

А. Е. Кропочкин

ЭТАП НА БАЙКОНУР. ЭТАП НА ДЖЕЗКАЗГАН.

ИЗ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ПЕРЕПИСКИ В. П. АСТАФЬЕВА

(Публикация Т. С. Царьковой)

В мае 2007 г. в Красноярске при получении материалов архива В. П. Астафьева из рук вдовы писателя Марии Семеновны Корякиной-Астафьевой мы обратили внимание на письмо, к которому была приложена рукопись биографического характера, продолженная непрофессиональной машинописью. Письмо было подписано, датировано, но без конверта, адрес отправителя в тексте письма отсутствовал. К сожалению, подпись не сразу удалось расшифровать. Ничего не помнила об обстоятельствах этой переписки и Мария Семеновна.

Результат дало обращение в Санкт-Петербургский фонд «Возвращенные имена» к Анатолию Яковлевичу Разумову: из всех предложенных вариантов прочтения фамилии был выбран единственно правильный — Кропочкин — и установлено, что воспоминания Александра Евдокимовича в расширенной редакции были опубликованы в сборнике «Поживши в ГУЛАГЕ».¹

Содержание полученной Астафьевым за 5 лет до публикации рукописи было таково, что, на наш взгляд, не могло никого оставить равнодушным. Виктор Петрович отнесся к ней внимательно: отдал в перепечатку. Компьютерный набор, с неточностями в прочтении, с пропусками по сравнению с оригиналом, тоже сохранился в писательском архиве. Значит, В. П. Астафьев предполагал ее использование, публикацию, может быть, содействовал определению в печать и посоветовал послать А. И. Солженицыну.

Мария Семеновна Корякина-Астафьева дала разрешение на публикацию этого документа в «Ежегоднике Рукописного отдела».

---

¹ *Кропочкин А. Е.* Воспоминания бывшего каторжника СЛ-208 // *Поживши в ГУЛАГЕ. Сборник воспоминаний* // Сост. А. И. Солженицын. М.: Русский путь, 2001. С. 359—401. (Серия Наше недавнее. Вып. 7.)

Оставалось найти семью А. Е. Кропочкина. Здесь помог «Мемориал», уже новосибирский. От сына Александра Евдокимовича — Леонида Александровича РО ИРЛИ получил в дар краткую биографию отца и четыре письма В. П. Астафьева, отправленные писателем еще до получения рукописи. Приведем эти документы.

Уважаемая Татьяна Сергеевна!

Прошу прощения за долгое молчание, связанное с общим отсутствием свободного времени.

Сегодня собрался написать Вам письмо и отправить оригиналы писем В. П. Астафьева моему отцу.

Кратко хочу сообщить основные биографические данные моего отца Кропочкина Александра Евдокимовича.

Родился он 4 октября 1919 года в разгар Гражданской войны в селе Новокаменка недалеко от тогдашнего г. Новониколаевска в крестьянской семье, был младшим из четырех детей.

Само его рождение было довольно трагичным: мама отца сразу после родов заболела тифом, а отец находился в бегах, скрываясь в лесу от мобилизации то ли в красную, то ли в белую армии. Так как кормить новорожденного, который даже перестал плакать, было некому, то соседки со словами «Бог дал, Бог взял...» отнесли его в люльку в холодные сени с довольно страшной и, в то же время, обыденной целью: «чтобы не пахло...». Затем, через день или два навещающая больную соседка услышала писк в люльке и, взяв новорожденного домой, по сути, спасла его жизнь. Кормила она его так: в марлю заворачивала разжеванный черный хлеб и давала сосать младенцу.

С самого детства отец трудился в крестьянской семье и в поле, и дома, однако его отец, сам обученный грамоте, что было тогда на селе редким, считал, что надо учиться, поэтому все его дети ходили в школу. После окончания 8 классов деревенской школы отец продолжил обучение в старших классах в Новосибирске. Получив аттестат о среднем образовании, преподавал историю в той самой деревенской школе, где учился сам.

В 1938 году осенью был призван в армию, служил под Новосибирском в г. Бердске, их часть готовили к войне с белофиннами в качестве снайперов, но «мы туда не успели», говорил отец.

С началом войны отец проходил переподготовку на авиамеханика, кем и прошел всю войну в полку ночных бомбардировщиков. Война для отца закончилась в 1945 году под Кенигсбергом.

После окончания войны вернулся домой и в 1946 году поступил на 1-й курс историко-филологического факультета Томского университета.

В 1947 году по сфабрикованному делу был осужден по 58-й статье на 5 лет лагерей, затем приговор был пересмотрен «как необоснованно мягкий» и было добавлено еще пять лет. Освободился в 1955 году, вернувшись в Новосибирск, работал на заводе, в 1956 году женился, в этом же году родился старший сын, в 1959 году — младший.

С 1961 года и до выхода на пенсию работал учителем труда, заведующим мастерскими в средней школе № 136. В 70-е годы учился и закончил факультет журналистики партшколы в Новосибирске. Оставил воспоминания, рассказы.

Скончался 12 ноября 2001 года в 82 года.

С уважением,

Л. А. Кропочкин <Подпись>

14.02.09

1

Дорогой Александр Евдокимович!

Дважды земляк — по полку многострадальному² и по земле нашей <,> не переставшей еще рожать порядочных людей.

² Военную подготовку А. Е. Кропочкин в 1938 г. и В. П. Астафьев в 1942 г. прошли в городе Бердске. Астафьев добровольцем ушел в армию и сначала пошел в запасной 21-й стрелковый полк.

Спасибо Вам за письмо. На меня, как я и полагал, начинают уже нападать, готовится к наступлению военная камарилья, защищающая свое право на дальнейший казарменный произвол <,> и Ваше письмо мне поможет в борьбе с ними, но прежде всего за духовную поддержку благодарю Вас и желаю доброго здоровья.

С поклоном — В. Астафьев.

<б / д. Штемпель на открытке: Красноярск <?>5.01.93. Новосибирск 01.02.93.>

2

Уважаемый Александр Евдокимович!

Мой роман «Прокляты и убиты», первая книга <,> которая уже издана, в том числе в последнем номере «Роман-газеты» <,> и достать ее легко.³ Действие первой книги как раз происходит в Бердске (запасной полк) и в Новосибирске (окончание), а вторая книга <—> непосредственно уже на войне, она называется «Плацдарм» и, если дело пойдет ладом <,> будет напечатана в «Новом мире» в конце нынешнего, но скорее в начале будущего года.

Предстоит и третья книга, как раз она о послевоенной жизни, о том, как Великий вождь расправился с народом, спасшим его шкуру и шкуры его верных шестерок-ублюдков.

Я сделаю паузу с год, ибо надсадился, работая над второй книгой. 1го мая мне стукнет 70 лет <,> и эти годочки уже требуют к себе уважения и внимания.

Присылайте, если не жалко <,> свой материал, коли надо <,> я оплачу почтовые расходы. Авось, что и пригодится. Самого меня Бог обнес от лагерей и тюрем, но слышал и знаю я об этом много. Жил-то в стране-тюрьме, как и все русские люди.

Желаю Вам доброго здоровья!

Поклон Вашим близким.

Кланяюсь — В. Астафьев.

19 марта 1994 г.

3

24 декабря 1994 г.
Красноярск

Дорогой Александр Евдокимович!

С Рождеством Христовым! С Новым годом! С новыми надеждами. Здоровья Вам, покоя в сердце, мира на дворе, благополучия близким.

Я, конечно же, занят страшно, вот недавно закончил повесть о горемыке-инвалиде, который в конце жизни караулит капусту на садовом участке, чтоб ее не украли,⁴ и нахожусь в больнице, но вот пишу, с людьми общаюсь, хотя и мало, делаю текущие дела, зарабатываю деньги на хлеб, все как у всех, и знаю, пока на ногах, надо жить и работать, иначе каюк, да и неинтересно мне быть без дела. В двух местах мне еще по душе — за письменным столом и в тайге, но в тайгу сделалось выбираться весьма затруднительно.

Так что где-нибудь в конце зимы присылайте свою рукопись, я посмотрю ее. Раньше, к сожалению, не могу. Роман мой, вторая книга под названием «Плацдарм», напечатан в «Новом мире» № 10—11—12, к сожалению, в сокращенном виде <,> и когда дело пойдет до книги — не знаю.

Кланяюсь — В. Астафьев.

4

Дорогой солдат Кропочкин.

Я никого не принимаю, бо не министр, ко мне просто приходят люди и разговаривают.

³ Первая книга романа была опубликована в журнале «Новый мир» (1992. № 10—12), а в 1993 г. была включена в первый том двухтомника Астафьева «Проза войны», вышедший в Иркутске в издательстве «Литера». В «Роман-газете» она появилась в 1994 г. (№ 3).

⁴ Вероятно, речь идет о повести «Так хочется жить», опубликованной в журнале «Знамя» (1995. № 4).

Лучше всего приходиться с весны, в Овсянку,⁵ это рядом с городом, ул. Щетинкина, 26, или в библиотеку,⁶ там знают <, > где я и что я. (Нижний конец села.)

Возле ворот кнопка звонка, нажмите два раза кратко <?> и все.

Нынче, Бог даст <, > заеду я в свой дом 9го мая, а пока болеет и тяжело жена и загадывать наперед ничего нельзя.

Кланяюсь Ваш — В. Астафьев

У меня в палисаднике ель выше дома.

6 марта 1995 г.
Красноярск

Опубликованные воспоминания А. Е. Кропочкина разбиты на семь глав. В публикуемой здесь первой редакции отсутствуют начальные главы: «Этап в Асино», «Этап в Горевку», «Сон». Содержание последующих четырех глав в основном совпадает с первой редакцией, но некоторые эпизоды отсутствуют: расстрел человека, «пошедшего на рывок», общение с врачом из кремлевской больницы — Ниной Александровной, воспоминания о Калининском фронте 1942 г. и девчонках-«ветродушках» и др. Не идентичны эти редакции и в композиционном отношении. Эти обстоятельства и завет защитника Родины: «мне так хочется, чтобы еще хоть один человек узнал о страшном и засекреченном лагере под почтовым ящиком 392/1...» позволяют нам считать оправданной публикацию первоначального варианта.

Автобиографическое повествование потрясает простотой изложения трагических фактов и вписывает еще несколько документальных страниц в историю государства времен культа личности И. В. Сталина.

В обработанной части архива сохранилось лишь одно письмо А. Е. Кропочкина Астафьеву. Оно предваряет рукопись.

Возникает вопрос — почему А. Е. Кропочкин послал свои «заметки» именно В. П. Астафьеву, которого, в отличие от А. И. Солженицына, В. Т. Шаламова, «Бог обнес от лагерей и тюрем»? Ведь не только потому, что они оказались «дважды земляками».

Один из возможных ответов: в 1980—1990 гг. именно Астафьев вместе с немногими другими писателями из российской глубинки обозначил самые болевые точки в развитии нашего общества через призму формирования, а зачастую деформации русского национального характера. Наряду с достоверными и ужасающими подробностями лагерного быта и каторжной работы, в «записках», выдержанных в лаконичном, хронографическом стиле, есть материал и для этой темы. Уже перечисленные эпизодические зарисовки: «решившегося на рывок», женщины-врача, пытающейся спасти заключенных, самих заключенных, поддерживающих друг друга, — выводят на художественно-философские обобщения.

Публикаторское вмешательство в текст ограничилось привнесением необходимых знаков препинания, все особенности авторского

---

⁵ Овсянка — родная деревня В. П. Астафьева, где сейчас музей в его доме и доме его бабушки.

⁶ Новая библиотека в Овсянке, построенная по инициативе В. П. Астафьева, была открыта 4 мая 1994 г., там хранится часть архива писателя.

стиля, подчас разговорного, сохранены. На письме, публикуемом ниже, карандашная помета: «от В. П. 10.11.99», вероятно, означающая ответ Кропочкину. Но отпуск этого ответа в писательском архиве, еще только проходящем научно-техническую обработку, не найден.

Здравствуйте, уважаемый Виктор Петрович.

Только что второй раз перечитал в 18^м номере «Огонька» Ваше интервью журналисту А. Ванденко.⁷

Расшевелили Вы осиное гнездо. Пока что только злобно жужжат, мы не думаем, что могут ужалить... Не посмеют. Я Вам писал, что в библиотеке провел читательскую конференцию по «Пр<оклятым> и убитым» I ч. Можете быть уверены, что молодежь тянется к правде, ей нужно чуточку человеческого тепла и искренности от нас, старшего поколения.

Нужно было видеть, как девочка-десятиклассница читала сцену расстрела братьев Снегиревых... Это же их ровесники тогда упали под пулями. Не зная Вашего отношения к А. Солженицыну, прошу Вашего совета, нужно ли проводить такую же читат<ельскую> конференцию по «Архип<елагу> Гулагу» или же не стоит смущать молодые души...

В одном из писем мне Вы дали согласие, чтобы я прислал свои заметки о том, как Родина «благодарила» своих защитников после войны. И я насмелился. Мне так хочется, чтобы еще хоть один человек узнал о страшном и засекреченном лагере под почтовым ящиком 392/1 (стратегическое сырье — медь).

За 8½ лет прошел по шести этапам. О двух из них, последних, я и рассказываю в этих записках. Это то, что сохранила память. Надуманного, вымышленного нет ни одной строчки.

С поклоном и пожеланиями
не дрогнуть старому солдату
в этом идеологическом бою

А. Кропочкин.

18.05.95

---

⁷ Имеется в виду интервью, озаглавленное «Неподсудный Астафьев» (Огонек. 1995. № 18. С. 30—32), взятое у писателя накануне празднования 50-летия Победы в Великой Отечественной войне. В нем поставлены острые вопросы современности: есть ли русский фашизм? Как Астафьев оценивает роль коммунистов в истории XX в.? Каким полководцем, по мнению писателя, был Георгий Жуков? и др. Суждения Астафьева определены, резко-критичны, иногда — непредсказуемы.

ЭТАП НА БАЙКОНУР (Февраль 1949 года)

Прошло два года после ареста, следствия, лагерей, тюрьмы, пересылок. И вот очередной этап. От Новосибирска едем на запад. Теперь мы гадаем, куда повернем с Транссибирской магистрали, и только тогда, когда приехали на станцию Петропавловск, поняли, что на юг. Значит, Степлаг. Про угольные шахты Караганды на этапах знали, а вот что есть в системе Степлага Джекказган, как-то не доходило даже до бывалых зеков. Позже мы узнаем, почему все лагеря Гулага были на слуху у зеков, а про Джекказган никто не знал. Что в бескрайних степях Казахстана разбросаны владения Гулага: Карсактай, Балхаш, Кенгир, Джезды, Джекказган, Байконур, Карсакпай... Опять гадания, опять предположения. Раз не высадили в Караганде, то куда теперь?

Здесь, в Караганде, впервые услышали — Джекказган. Уже в самом слове «медный котел» слышалось что-то зловеще-враждебное. Высадили нас на станции Карсакпай Новорудная.

Солнечный день. По-весеннему тепло. Чистое голубое небо и воздух, от которого закружилась голова после недели, проведенной в темном душном вагоне. Приехали. Построили, отсчитали двадцать пятерок и — марш к маленьким вагончикам узкоколейки. Я успел заметить, что вагонов было шесть. Игрушечные вагончики с зарешеченными маленькими оконцами. Я подумал: «Зачем же здесь решетки, когда в это оконце не пролезть ребенку?». Трудно понять, как нас втиснули по 20 человек в каждый вагон.

Железнодорожник — осматривщик вагонов на наш вопрос: «Куда?» — тихо, но внятно произнес: «Байконур».

Где этот Байконур и что там за лагерь, мы узнали позже, когда встретили людей, побывавших в Байконуре. Там был небольшой, человек на 150—200, лагпункт. Когда-то здесь было разведано месторождение угля. Толщина пласта не превышала 60—100 сантиметров на глубине 100 м от поверхности. Вскрышные работы для такого пласта очевидно были дороги, технику туда не загонишь, а вот кайло и корыто с лямкой оказались самой выгодной «техникой» для добычи угля. Забойщик кайлом долбил уголь, погрузчик

лопатой нагружал корыто углем, и саночник на четвереньках тащил к стволу шахты «добычу». Только у ствола шахты можно было распрямиться, высыпать в бадью уголь — и снова ползком до забоя и обратно. Наколенники из старых телогреек и рукавицы превращались в рваное тряпье после 5—6 смен, а новые шахтеры получали только по истечении месяца. Так эти «кроты» давали план. Бадью с углем на поверхность поднимали лебедкой вручную.

Редкий день проходил, чтобы из шахты не выволакивали труп очередного доходяги. Люди умирали, лишались рассудка не только от истощения, но и от того, что работали в полумраке, все время в ожидании обвала кровли, и боялись быть заживо погребенными. Потом после некоторого времени наступало оцепение, безразличие ко всему. Ночами в барак слышались нечеловеческие крики «спасите!», стоны. Это в страшных снах приходил этот подземный кошмар, особенно первых недель работы. Вот туда и шел наш этап (сменить) пополнить бригаду, заменить «выбывших». План добычи угля шахта должна была давать ежедневно любой ценой. Цена этого плана — человеческие жизни, которые никто не считал. Так мы ехали в этих гроыхающих вагончиках, сидя вплотную, прижавшись друг к другу, разговаривая о том, хорошо что не на меднорудную шахту, а куда-то, может быть, едем на новостройку. Под стук колес и скрип вагонов, которые только чудом не разваливаются, мы дремали до тех пор, пока усилившийся ветер не стал продувать насквозь вагон. Ветер набирал силу. Теперь уже и в вагоне стал слышен свист и вой начинающейся бури. Поезд постепенно замедлял ход и вскоре остановился. Свист и вой ветра слились в какой-то адский рев. Казалось, что эти вагончики вместе с нами, как щепки, унесет в степь. Прямо у нас на глазах выросла сугроб, и в нем скрылись окна вагона. Стало темно. В темноте и грохоте бури мы потеряли счет времени. В вагоне стало тепло, и мы забылись в тревожном сне. Просыпаться стали от того, что трудно было дышать. Мертвая тишина, вокруг ни звука, ни шороха. Теперь стало ясно, что мы погребены в этих коробках-гробах под сугробами снега. Кулаками, ногами стучали в стены, потолок вагона. Прислушивались... и снова стучали, истошно кричали, опять прислушивались. Кто-то упал в обморок.

— Спишут нас, братцы, за счет стихийного бедствия, — проговорил кто-то.

— Заткнись, будем сидеть молча, так и спишут.

— Давайте ломать вагон, — предложил кто-то.

— Лучше от пули конвоира подохнуть, чем от удущья.

Я чувствовал, что начинала кружиться голова, путаться мысли, подступала тошнота. Почему-то в этих обрывках мыслей высветилась одна: голод и холод пройдены, теперь — удущье. Где-то читал про потопленную подводную лодку, наверное, так же от удущья умирали моряки-подводники... Еще подумал: «Конвой знает, что мы задыхаемся, а им нужно доставить рабочую силу ко времени и в назначенное место. Они должны спасти нас. Они отвечают...». И, как бы

в подтверждение моих мыслей, сквозь тонкую крышу вагона слышались шаги, голоса. Нас откапывали. И в первую очередь вентиляционные отверстия. Сверху потянуло морозным воздухом. В вагоне началось шевеление. Каждый старался придвинуться к этой живительной струе. Тех, кто не мог встать, по очереди подносили к отверстию. Теперь слух улавливал скребущие по стенам вагона звуки, голоса, и через некоторое время сквозь окно вагона стал просачиваться серый рассвет. Значит, в вагоне мы пробыли около суток. К окну приблизилось лицо конвоира.

— Всем сидеть на полу. К окну не подходить.

— Пить! Пить! — несло из вагона.

— Молчать! — рявкнул конвоир, — а то сейчас напою!

Минут через десять лязнул на двери открываемый замок. Со скрежетом отворилась примерзшая дверь, и в нее был вброшен ком спрессованного снега. Отталкивая друг друга, расцарапывая руки, люди набросились, растоптали ногами снег и потом, перемешанный с грязью на полу вагона, засовывали в рот кусками.

Загородив все окно вагона, в лисьем малахае, улыбающееся, красное лицо казаха.

— Что, фашист, пить захотел?

Кто-то запустил комок снега в окно, и морда исчезла. За стенами вагонов слышались крики, мат, рев верблюдов. Значит, на расчистку путей и вагонов было мобилизовано местное население.

Утолив жажду, люди снова заговорили. Пошли предположения, куда повезут? Вперед или назад? Судя по всему, мы не так далеко отъехали от станции. Да и не все ли равно куда повезут — вперед или назад — лишь бы быстрее выбраться из этих вонючих ящиков.

Буран утих так же внезапно, как и начался. Это весенний буран. Зимние могут бушевать по неделе и больше. Во второй половине дня нам забросили в вагон соленой рыбы и по куску хлеба, потом снова ком снега. Вывели на оправку. Увидели дымящий паровоз и теперь могли сориентироваться, куда поедет, вперед или назад. Ближе к вечеру наш состав двинулся назад. Скрипели и визжали колеса вагонов по заснеженным рельсам. Несколько раз состав останавливался, сдавал назад и снова полз вагонами вперед к той станции, откуда мы выехали сутки тому назад. К вечеру мы доползли до станции Новорудная в трех-четыре километрах от лагеря-рудника Джекказган.

ЭТАП НА ДЖЕЗКАЗГАН

(В переводе с казахского «медный котел»)

После неудачного этапа на Байконур нас возвратили на станцию Новорудная. Это в 4 километрах от рудника Джекказган. Это тот рудник, о котором А. И. Солженицын потом напишет: «Это была та джекказганская медь, добыванья которой ничьи легкие не выдерживали больше четырех месяцев». ¹ И когда их этапу стало известно, везут их в Степлаг, то молили бога, чтобы только не в Джекказган. И бог их

услышал — их завезли «на уголь» в Караганду. Опять: «В колонну по пять становись!», «Взяться под руки!», «Шаг влево, шаг вправо считаю побегом, оружие применяю без предупреждения!». О том, что «применяю оружие без предупреждения» — это не простая угроза нам, я скоро убедился воочию.

Это случилось осенью этого же года. На одном из утренних разводов, как обычно, конвой принимал бригады, чтобы увести к месту работы — «объектам». Все шло как обычно: «По пятеркам разберись», «Взялись под руки...», «Шагом марш!». Вдруг две автоматные очереди разрезали воздух. Когда мы повернули головы, то почему-то прежде всего увидели конвоира, держащего навскидку автомат, и только потом посмотрели чуть правее в степь. Увидели метрах в 20—30 от колонны человека, как будто пьяного, с заплетающимися ногами, делающего неверные шаги, и потом человек опустился на колени и уткнулся лицом в землю.

Это называется человек «пошел на рывок». Его без труда можно было остановить, спустив собаку, но конвоиру нужно было показать нам наглядно, что будет с любым из нас, если мы «сделаем шаг влево или вправо». Такие случаи, когда человек решался «на рывок» в открытой степи, были редкими. Это было равно самоубийству. Человек с 25-тилетним сроком предпочел медленному умиранию от удушья в забое или смерти от истощения на нарах быструю смерть от пули. Были где-то удачные побегии. Тогда этот человек «на свободе» уподоблялся зверю, на которого шла охота до тех пор, пока он не будет уничтожен или снова водворен в клетку. Мы были молоды и не понимали, что огромным лагерем была вся страна, где можно было передвигаться, имея на это соответствующее разрешение — документ. Это только в «проклятой царской России» преступник мог пересечь всю страну с востока на запад и укрыться где-нибудь в Германии или Швейцарии. У нас каждый гражданин был под надежной охраной хоть на воле, хоть в лагере.

Итак, колонна из ста человек следует к месту назначения. Высокое голубое небо, чистый воздух, весеннее солнце. Не верится, что вчера бушевала вьюга и что мы могли стать жертвами разгулявшейся стихии. Сегодня даже собаки какие-то притихшие. Не рычат, не рвутся с поводков, как обычно, когда идет построение. Мельком бросаю взгляд на соседей в пятерке. Мое внимание привлек высокий с морщинистым лицом человек. Судя по тому, что на нем добротное демисезонное пальто, взят осенью, и то, что оно висит на нем как на вешалке, — человек истощен. «Марш!». Колонна тронулась, и сразу же команда: «Подтянись, не растягиваться!». «Доходяга» все тяжелее и тяжелее опирается на мою руку. Мне уже становится невмочь тащить повисшего на моей руке человека. Я начинаю запинаться. Потянул за руку соседа слева, взглядом показываю ему на «доходягу». Он понял, что я хочу сделать. Теперь мы следим за конвоиром, когда он не будет смотреть на нас, и в один момент я становлюсь с краю, а его, крайнего, ставлю на свое место. Теперь мы с обеих сторон подхватываем его под руки

и тащим его дальше. Не глядя на нас, он шепчет: «Не бросайте меня, пожалуйста». Последние несколько десятков метров, перед тем как нас остановили, мы его уже волокли, выбиваясь из сил. Команда: «Садись!», сели как шли, не нарушая пятерок, так нас будут опять пересчитывать при входе в зону. Как только мы сели, человек упал ко мне на колени головой. Сидим минут 10—15, пока на вахте оформляют документы. Я пытаюсь поднять, посадить его рядом, но он, судорожно цепляясь руками за меня, тоже делает попытку сесть, но потом окончательно падает, теряя сознание. Команда: «Встать, построиться!».

— Гражданин начальник, здесь больной.

— Что еще за больной? Сюда работать, а не болеть приехали.

Начальник конвоя подходит к нашей пятерке.

— А ты что, тоже с ним сидеть будешь? Встать! — кричит он мне. — Заболели! Здесь вылетат быстро.

Я встаю, но подсовываю ногу ему под голову, чтобы не на снегу лежала голова. Начальник караула уходит на вахту, и через несколько минут два санитары из санчасти на носилках уносят бедолагу.

Месяца через два я увидел этого человека в зоне. Познакомились. Майский Иван Михайлович. Так же, как и я, попал под вторую волну арестов в 1947 году. Статья 58, кроме пунктов 10—11, еще три. Поставили заведующим лагерной пекарней. На это престижное место в лагере могли поставить только очень большого начальника в прошлом, как и завстоловой, на хлеборезку или в баню.

Вспомнили этап в Байконур. Этап от станции до лагеря. Я рассказал ему, как мы тащили его до лагеря, после его без сознания поместили в лазарет, где он «прокантовался» целый месяц. И вот теперь завпекарней. Мне с моим дружкой теперь был доступ на пекарню. После 11-часовой смены в шахте мы, после ужина, бежали на пекарню, перетаскивали на ночной замес мешки с мукой из склада к чанам, наедались до отвала «от пуза» свежего хлеба с квасом и со звонком «отбой» бежали в барак под замок. Беда тому, кто где-то замешкался и не попал «под замок». Здесь могли пришить подготовку к побегу, подготовку к диверсии внутри лагеря и т. д. На первых порах этот дополнительный хлеб нам, ослабленным тюрьмами, пересылками, этапами, сильно помог. Многие именно в эти первые месяцы были сломлены недоеданием и непосильной работой в шахте. Мы с моим другом Володькой Хоменко выстояли. Но к осени наша лафа в пекарне кончилась. Нашего протеже угнали на этап, а завпекарней поставили чеченца, и вход на территорию пекарни нам с Володькой был закрыт. Потом мы узнали, почему убрали из зоны Майского. В лагере была чеченская бригада. В барак к ним боялись заходить даже надзиратели, их так и звали «бандитская бригада», и на пекарне, и в хлеборезке, и в столовой — они везде были «в законе». Завпекарней им чем-то не угодил, а это повлекло бы за собой быструю расправу, и лагерное начальство вынуждено было сперва убрать его из пекарни, а потом отправить на этап.

Прошло с тех пор много лет, прежде чем я узнал из БСЭ, кто был этот Майский. В лагере из разговоров с ним я только и узнал то, что он сказал мне:

— Саша, я был на большой должности в Москве.

И я больше ничего не спрашивал, и он ничего не сказал.

Читаю в энциклопедии: «Майский Иван Михайлович, год рождения 1884. Посол в Великобритании с 1932 по 1941, посол в Швейцарии, кандидат в члены ЦК КПСС и т. д.». Послужной список с перечислением всех постов, должностей до 1946 г. Но дальше «с 1946 года на научной и научно-педагогической работе».² Наверное, составители БСЭ считали, что джезказганский рудник — академия, где академик Майский читал лекции о построении коммунизма в отдельно взятой стране. Не было предела лжи и лицемерия у власть предержащих. Его, пожилого человека, запрятали в такой лагерь, где терялись следы многих и многих людей. Где с внешним миром не было никакой связи, где царили произвол и беззаконие, где человеческая жизнь стоила дешевле пачки махорки или пайки хлеба. Когда мы только подошли к лагерю и увидели высокие стены, выложенные из плитняка, огромные железные ворота, то один этот вид произвел на меня гнетущее впечатление и даже страх перед тем, каких матерых преступников я должен буду увидеть там, в зоне, за этим забором.

— Вот это капитально и надолго, — произнес кто-то.

С каким-то адским визгом и скрежетом медленно раскрылись ворота, как бы проглотив нас.

Первое, что мы увидели в зоне, это ряд приземистых бараков, выложенных из такого же плитняка, что и стены забора, торцами к забору с вышками по углам и середине. На окнах бараков — решетки, то, чего нам не пришлось видеть в других лагерях. Еще поразила чистота и порядок в зоне. Невольно вспомнились слова старинной песни: «Далеко в стране иркутской, между скал и крутых гор обнесен стеной высокой чисто выметенный двор...». Это про Александровский централ.

Снова, уже в который раз, нас пересчитали, сверили по формулярам Ф.И.О., год рождения, статья, срок, время осуждения, каким судом осужден. Нарядчик — по-лагерному шеголевато одетый, высокий, стройный, симпатичный парень, развел нас по бригадам, велел до прихода бригад с работы сдать в каптерку личные вещи, указал место на вагонке. С этого дня началась новая жизнь в спецлагере п / ящ 392/1. Вечером получили шахтерскую робу. Много хлопот при сборах на работу доставляли чуни — глубокие, литые из резины галоши — и портянки. Нужно было нагнуть на ногу портянку, концы ее запрягать под ватные брюки и завязать тесемками. Невольно вспоминались ботинки и обмотки в 630-м стрелковом полку, и мучения, и проклятия тому, кто придумал такую обувь. Солдаты довоенного призыва и первого года войны будут помнить всю жизнь муки первых недель, когда эти проклятые обмотки все время или сползали вниз, на ботинки, или, не дай бог, развязывались на марше.

В 6 утра подъем. Кроме воскресенья, во все дни в шесть, ни минутой позже, ни минутой раньше. Все как в армии, кроме физзарядки. Час на одевание, заправку коек, завтрак, поверку, построение. Ровно в семь, ни минутой раньше, ни минутой позже, открывались ворота — развод. Выход из барака-камеры на построение «без последнего» — это значит нужно «пулей вылетать» на улицу, чтобы не получить удары палкой, которую нарядчик не выпускал из рук во время развода. Поэтому после сигнала на развод часто в дверях образовывалась свалка, каждый хотел выскочить первым, и все же кто-то, к великому удовольствию нарядчика и лагерных надзирателей, оставался последним... И вот, взявшись под руки, плотным строем, окруженные автоматчиками с собаками на поводках, мы движемся на «объект». В строю мы не разговариваем, не оглядываемся, головы не поворачиваем, не нагибаемся, рук не расцепляем, т. е. выполняем все «заповеди» из инструкции для конвоя, поэтому без остановок прибываем на объект.

Объект

Посреди голой степи серое здание машинного отделения, деревянное строение копра над стволом шахты, налево высокий конус породного отвала, направо рудный отвал. Нас садят под стену машинного отделения. Разговаривать здесь запрещено. Сидим на мокром снегу. Мы пришли сюда, где на глубине ста с лишним метров «зарыта пайка». Мы отыщем ее, если «дадим план». Потом это слово дали или не дали «план на гора» воспринималось, как понятие: на ужин будет или 600 граммов хлеба, или 300.

Под нами вздрогнула земля, послышались глухие взрывы. «Отпалка», — проговорил кто-то тихо. «Что?». «Вот опустимся, тогда узнаешь что». Минут через десять из-под копра шахты появились три человека в таких же, как и мы, шахтерских робах и скрылись в машинном отделении. «Встать! Первая пятерка к спуску марш!». Подошли к четырехугольному отверстию в полу, еле освещенному лампочкой, из которого валил густой дым от взрывчатки, сквозило сыростью. Человек впереди меня сел на край этой ямы, спустил ноги, потом повернулся спиной и скрылся в дымной мгле. Я также сел на край ямы, ногами нащупал перекладину лестницы, повернулся лицом к ней и начал спускаться по мокрым скользким ступеням вниз. Там, где-то в глубине, также тускло светила лампочка. Полук, отверстие, лестница, снова полук, снова лестница. «Это же спуск в ад», — подумал я. Теперь кажется: давно прочитанная «Божественная комедия» Данте предстала передо мной воочию. Это я спускаюсь в ад (мир осуждения), потом будет Вергилий — проводник (бригадир). Потом будет расконвойка (мир искупления) — чистилище и потом только, через 38 лет, — 1955—93 гг. — дали «путевку» в рай — справку из прокуратуры СССР — Коспарская-Беатриче — о реабилитации, а потом семья, работа, что-то среднее между адом и раем, из которого уже нет выхода.

Спуск продолжался. Остановиться передохнуть нельзя — удержишь спуск всей бригады или раздавят пальцы рук те, кто спускается следом. Наконец 21 лестница преодолена, мы вышли на освещенную площадку у ствола. Подставляем под струю, бьющую из целика, карбидку — толстостенный цилиндр с носком как у чайника. Смачиваем карбид, поджигаем спичкой выделяющийся ацетилен, вспыхивает голубоватое пламя чуть больше, чем пламя свечи. Длинной цепочкой, растянувшейся по штреку, идем за нашим Вергилием, ориентируясь в дымной мгле по колеблющимся точкам света карбидок. Шествие, как обычно, замыкает помощник бригадира, подгоняя отстающих. Мне подумалось, что это испытание дымом устроено для новичков, впервые спустившихся в шахту, что завтра этого не будет, только бы выдержать сегодня. Наивный человек! Тогда я еще не знал, что так было до меня, так будет и после, когда я последний раз спущусь в эту преисподнюю. Казалось, этому пути по штреку не будет конца. Скорее бы выбраться из этого тесного, дымного коридора на свет и свежий воздух. И мы вышли. Стены коридора вдруг раздвинулись, где-то по бокам сквозь мглу просвечивали электролампы. Мы пришли на место работы в забой. Здесь, в забое, производилась отпалка руды, и в этой куполообразной яме дым был еще плотнее и удушливее.

— Садись! — скомандовал бригадир.

Работать было нельзя. Не было видно вытянутой руки. Эта дымная мгла напоминала мне Калининский участок фронта, когда полк мощных бомбардировщиков вылетел на задание, это было в ноябре месяце 1942 года, и вот при хорошем прогнозе погоды внезапно надвинулся туман такой плотной стеной, что не было видно вытянутой руки. Напрасно мы разжигали костры, стреляли из ракетниц, самолеты, пришедшие с задания, не видя аэродрома, кружили над ним в надежде, что хоть где-нибудь появится «окно», и можно будет сориентироваться для посадки. Туман не проходил, горючее в машинах кончалось. И тогда летчики начали садить машины где попало. Полк потерял 8 машин, это почти целая эскадрилья. Особисты тогда хотели перед строем расстрелять двух девчонок с метеостанции, если ее можно было назвать «станцией», где был один полевой телефон да указатель направления ветра. Они получали погоду из дивизии, а командование полка получало эту сводку от них. Я не знаю, что их остановило, но этих девчонок-«ветродуев», как их в шутку называли в полку, мы больше не видели.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем мы начали различать силуэты людей, плотной кучкой сидевших на валунах и на куче отбитой у целика руды, потом стал более четко проступать свет от электролампы, освещающей забой, похожий на грот высотой 10—15 метров. И не верилось, что эти норы под землей и эти высокие забои в руде тверже гранита проделали вот эти люди, похожие здесь на каких-то маленьких пещерных жителей в фибровых касках и рваных шахтерских робах.

Бригадир Лешка Лавриков, как он нам отрекомендовался — из бытовиков.

— Спустился в шахту, здесь я тебе и прокурор, и следователь, и судья, — поучал он нас. — Не захочешь сдохнуть, будешь вкалывать, будет пайка. Да не вздумайте не послушать моего помощника — не досчитаетесь ребер.

Помощник его Пашка, неопределенных лет человек, был для нас действительно страшен и опасен. Никто не знал, когда и за что он мог напасть и безжалостно избить человека забурником. Жалоба начальству на произвол была равносильна смертному приговору самому себе. Пашка был из бандеровцев и так же, как и бригадир, имел срок 25 лет.

Бригадир распределил работу среди пополнения.

Откатчики, путейцы, обезопасчик, валунщик, бурильщик, помощник бурильщика, скреперист, крепильщик приступили к работе. Многое из того, что я увидел за десятилетия, прошедшие с того дня, когда я впервые спустился в шахту, стерлось в памяти, забылось, но этот первый день в шахте запомнился на всю жизнь.

— Будешь валунщиком, — сказал мне бригадир, подавая тяжелую кувалду на длинной ручке.

— Разведу по работам всех и покажу, что и как делать. — В его мирном голосе мне показалась даже какая-то забота обо мне. Минут через 15 он подошел снова ко мне.

— Вот, смотри, такой валун не пройдет через колосники рудоспуска, значит, его нужно разбить. Разбивать нужно тоже с умом. Не бей кувалдой по ребрам, а бей по лбу. Это значит, что если валун лежит кверху углом или ребром, нужно повернуть кверху плоскостью и ударить вот так. — Полупудовая кувалда, описав над головой дугу, как мне показалось, не так уж сильно ударила по валуну. Валун как будто бы остался на месте целым, но, пошевелив его ногой, я увидел, что он весь разбит на остроугольные куски.

— Теперь давай пробуй ты, — подал он мне кувалду.

Я выбрал валун поменьше, прицелился, держа кувалду на уровне груди, и ударил. Брызнули в сторону мелкие осколки, валун остался целым. Ударил еще раз — результат тот же. Я поворачивал валун и бил, бил. Пот и слезы застилали глаза, и скоро я опустился рядом с этим проклятым валуном, теперь уже круглым, обессиленный и мокрый от пота.

— Сила есть, ума не надо! Сноровки нет. Силы нет, а есть хочется, а пайка зарыта вот здесь, под рукой, и ее нужно откопать к концу смены, — приговаривал бригадир, стоя надо мной.

— Бери кувалду! — резким криком скомандовал он. — Дурень, вместе с кувалдой опускай руки и корпус, не задерживай кувалду в воздухе.

В этот удар я, кажется, вложил всего себя и — чудо! Я еще не увидел, а почувствовал, что валун расколот. И так, усвоив нехитрую науку, я колол и колол валуны. Колол до тех пор, пока не потемнело в глазах. Последнее, что мелькнуло в сознании перед тем, как

я упал среди валунов — нужно было... с отдыхом! Очнулся весь мокрый. Кто-то принес полную каску воды и вылил на меня. Через пелену тумана проступали стены забоя, свет ламп, копошащиеся люди, занятые каждый своим делом, лязг вагонеток, вой лебедки скрепера.

— Ну, что — освоил науку? Отдохни. Скоро съём.

Хотел подняться с земли, но страшная боль в пояснице, в суставах рук посадила меня снова на землю. Завыла сирена, конец работы. Плохо помню, как дошел до ствола. Видно было по всему, что мне по «ходку» не подняться, не преодолеть двадцать одну лестницу (каждая 7 метров), стоящую почти вертикально. Бригадир послал помощника, чтобы тот спросил разрешение конвоя выехать по клетки с больным. Так я единственный раз, первый и последний, поднялся из шахты в клетки.

Всякий раз, кончая смену, каждый из нас со страхом думал, хватит или нет сил подняться на поверхность, преодолеть сто сорок метров по мокрым скользким лестницам.

Наконец, все на поверхности. Те, кто вышел раньше, ложатся на землю — это отдых перед 2-километровым переходом в лагерь.

— По пятеркам разберись...

— Первая пятерка четыре шага вперед!..

— Вторая... третья...

— Взяться под руки!..

— Шаг влево, шаг вправо — стреляем без предупреждения.

— Марш!

Я в середине пятерки, взят под руки, шагаю как в полусне. Ворота, лай собак, шмон...

От вахты иду в санчасть.

— Раздевайся.

Хочу снять робу, но рук согнуть не могу. Не могу расстегнуть пуговицы на куртке.

— Не темни. Раздевайся.

Врач-грузин свирепеет. Срывает с меня куртку, бушлат, мнет суставы, с силой сгибает и разгибает руку, я кричу от боли, и опять темно в глазах. Подносит к носу ватку с нашатырным спиртом. Растирает виски. Я смотрю на свои руки, и мне кажется, что это сон. Суставы в локтях распухли до такой степени, что кажется неправдоподобным. Это было во второй раз после Асино.

— Иди! — накидывает мне на плечи бушлат, куртку врач.

Так закончился мой первый день работы в шахте Петро-2. Это был день, когда я дрогнул и испугался. Испугался того, что заболелю и не смогу работать. Болезнь в лагере — это прощание с жизнью. Доходяга, фитиль — дальше «деревянный бушлат» в конце концов неизбежен. «Старожилы» — те, кто проработал в шахте уже 2—3 месяца, успокаивали — привыкнешь. Если не спишут в первые месяц-полтора, значит «ливер» в порядке, протянешь, может быть, целый год. Легкие, почки, сердце, печень в лагере называли одним емким словом — «ливер». «Ливер» заболел — кранты. Как потом

оказалось, что дым от взрывчатки в забое — это полбеда, а вот рудная пыль от сухого бурения, оседающая на легких, это уже беда. Списывали на шахте людей в основном с диагнозом силикоз или сердечная недостаточность, под последнюю подводили почти всех погибших в шахте, умерших в лазарете. Как мне «по секрету» объяснила врач лагерного лазарета, делавшая мне операцию аппендицита, Нина Александровна, к тому времени (1949 г.) просидевшая в лагере 16 лет (до особого распоряжения), были среди нас такие «бессрочники», как она — врач кремлевской больницы, «замешанная в отравлении Горького», которого она не видела даже близко. А сердечная недостаточность — это, дескать, болезнь, которая была у человека раньше и проявилась в лагере. Пришел срок умереть от нее, вот человек и умер. Не думайте, родственники, что вашего сына, отца или дочь расстреляли, заморили в шахте или голодом. Через четыре дня после операции я был выписан из больницы, и бригадир поставил в шахте на более «легкую» работу — дорожником. Рельсы в штреке были «легкого типа», и лом, который не нужно было выпускать из рук. Шов Ниной Александровной был сделан на совесть — не разошелся. И еще эта добрая, с ласковым взглядом женщина дала совет, как ни трудно будет, в шахте работать с мокрой тряпкой на лице, нужно привыкнуть и не снимать ее всю смену, и прополаскивать эту тряпку-маску после каждой смены. Спасибо тебе, добрая женщина, за то, что ты внушила мне страх перед смертью от силикоза. Это очень долгое, долгое удушье перед тем, как перестанет биться сердце после того, как легкие обратятся в камень.

Заканчивался 1949 год, и казалось, ничто не может изменить нашего положения, нашей безысходности и мрака. Ошиблись. Оказалось, что запас изуверских приемов и методов у наших мучителей неиссякаем.

В начале 1950 года произошло, на первый взгляд, событие мало-значительное. После ужина бригадир принес в барак лоскуты белой бязи с четко написанными номерами и список бригады, где против каждой фамилии стоял 3-значный номер с буквами. Мы выходили из строя и получали под расписку по 3 таких лоскута. Их нужно было вшить в прорезанные дыры на спине, на рукаве, на левой штанине. Трудились до самого отбоя, занимая друг у друга иголки, нитки. С этого дня я стал номером СЛ-208. На развод утром вышли все занумерованными. Кроме конвоя и надзирателей на разводе было начальство лагеря. Придирчиво осматривали каждого, пробовали, прочно ли пришиты номера. Никто из них не мог скрыть самодовольной улыбки. Теперь ко всем нашим заботам прибавилась забота, чтобы номер был хорошо различим. В воскресные дни из КВЧ приходил «художник» с баночкой краски и кисточкой подправлял номера. Теперь ты должен был немедленно откликаться на названный надзирателем номер, а если забывал, то уводили на вахту для «профилактики» (пропуск в рукописи. — Т. Ц.) нереальным его для нас. Не существовало, а впереди было еще восемь

лет такого существования, лет, теряющихся где-то в далекой неизвестности и безысходности.

Но какой бы ни была жизнь лишенного свободы человека, на внутренний мир каждого из нас не могли воздействовать ни голод, ни изнурительный труд, ни произвол...

Итак, Джекказган. Если от Петропавловска, что на Транссибирской магистрали, ехать на юг через Целиноград, Караганду до ст. Жарык, от нее одна ветка пойдет на Балхаш, другая на Джекказган. От Джекказгана — ветки до марганцевого рудника Джекды, до Карсакпайского медно-рудного комбината и Байконура.

Каменистый мелкосопочник, переходящий в безводную пустыню Бетпак-Далы на юге и большие пески Маюнкумов. Тогда этот заброшенный и забытый Богом и людьми край стали населять по принуждению. Где бы ни стал бурить и копать в этой безводной пустыне, обязательно найдешь что-нибудь из таблицы элементов Менделеева. Это может быть: хром, марганец, медь, свинец, цинк, серебро, вольфрам, барит, молибден.

Летом раскаленный камень — жара до +50 С.

Зимой при морозе 30—40 градусов дуют ветры с юга или севера, зимой одинаково холодно, летом жарко и днем и ночью. Ни деревца, ни кустика. Можно было только удивляться, каким образом в этом пекле приспособилась расти полынь или ковыль. К шахте мы шли прямо через степь. Затоптанная сотнями ног полынь заполняла своим запахом все вокруг. Этот ни с чем не сравнимый запах напоминал мне деревню, огороды и заросли полыни по меже между огородами.

Однажды мне удалось пучок такой полыни найти на шахтном дворе, где нас садили на землю в ожидании спуска в шахту. Он у меня лежал под подушкой в бараке-камере до очередного шмона.

И зимой и летом ветры с юга приносили нам мелкий песок. От него невозможно было избавиться. Он хрустел на зубах, набивался в уши, глаза, за ворот рубахи. При сильном ветре тысячи мелких песчинок-иголок секли лицо.

Особенно противным песок был в хлебе. Хлебе, который мы старались особенно тщательно пережевывать, чтобы насладиться как можно дольше его сытным запахом и вкусом.

Каторга

Осенью 1950 года произошло событие на первый взгляд малозначительное, но повлекшее за собой другие, о которых мы не могли даже предполагать.

Теперь надзиратели ходили по зоне, поигрывая блестящими браслетами с цепочкой. Кто говорил, что эти наручники с «трещеткой» подарили американцы, а кто был в плену у немцев, уверяли, что это немецкое изделие.

В бараках курить запрещали, но после того, как барак закрывали на замок, в полумраке можно было там и сям видеть тлеющие огоньки цигарок. Барак наполнялся табачным дымом.

И в этот вечер надзиратель, погромев задвижкой и замком, закрыл дверь. В бараке задымили сигарки. Как надзиратель оказался в бараке, никто не слышал. Зажегся свет.

— Кто курит?! — рывкнул надзиратель.

В таких случаях нужно не только не поднимать головы, но даже не шевелиться, замереть... спать.

Я, по всей видимости, только что задремал и при крике надзирателя машинально поднял голову. Спал я на верхней вагонке. В один миг с меня сорвано одеяло, а сам сдернут на пол.

— Пошли...

— Я не курил, у меня нет махорки, — стал я объяснять казаху-надзирателю.

— Сейчас узнаем, курил или нет.

В тамбуре барака — слева каморка для надзирателей. Две табуретки, стол, маленькое зарешеченное окошко.

— Руки на стол!

Я стоял в нижнем белье, руки за спиной, как и положено, когда тебя ведет надзиратель.

— Ты глухой?!

— Я не курил...

И в следующую секунду я получил оглушающий удар кулаком в левый висок, очнулся сидящим на табуретке в наручниках. Ко мне пододвинули второй табурет, положили на него руки и нажали коленом на браслеты, сперва на один, потом на другой.

Скороя перестал чувствовать боль, из-под браслетов сочилась капелки крови, браслеты почти скрылись в сине-багровой опухоли вокруг них.

Сколько продолжалась эта экзекуция, не помню, только вскрикнул от невыносимой боли, когда наручники снимали, как будто бы вместе с ними отдирали от рук кожу.

Втолкнули в барак и закрыли дверь.

— Что, больно? — спросил меня дневальный, добрый чех Киричек Василий Васильевич. Длинный, сухошавый как жердь он чудом выжил, проработав в шахте всего 3 месяца, попал в лазарет и после к нам дневальным.

— На вот тряпку и мочой прикладывай — пройдет.

Только к утру забылся немного от потрясения и боли, как раздалась команда — подъем! Руки в запястьях не сгибались. Бригадир Лешка Лавриков, этот безжалостный садист и бандит, для которого ежедневный план шахты был важнее, чем смерть любого из нас, и то, посмотрев на руки, сказал: «Выходи на работу, а там в забое просидишь смену, а оставлю в бараке, значит, будешь в буре отдыхать». Так единственный раз за весь срок я, выйдя на работу, не работал. Ребята, скинув бушлаты, отдали их мне. Я их подстелил под себя и, укрывшись, уснул. Постоянная температура в забое и зимой и летом — плюс четыре градуса, при большой влажности не самое подходящее место для сна, но я уснул моментально под грохот загружаемых вагонеток, треск перфораторов, согрившись под бушлатами.

Закончилась смена. Предстояло еще одно страшное испытание — подняться на поверхность. Нужно было преодолеть двадцать одну лестницу по 7 метров каждая. Скользкие лестницы в «ходке» поставлены почти вертикально, каждая из них крепилась к полку метр на метр с отверстием, чтобы можно было подняться к следующей лестнице, т. е. каждый полк был основанием каждой следующей лестнице. Сигнал о конце работы подавался из машинного отделения долгим звонком-сиреной. Я знал, что мне с опухшими руками и негнущимися пальцами не преодолеть и двух лестниц. Бригадир спросил меня, смогу ли я выйти на поверхность?

— Мне нужно минимум час, чтобы я преодолел все лестницы, — ответил я ему.

Время до съема мы научились определять без часов с точностью до 5—8 минут. И вот примерно за час до конца смены я начал подъем. Ребята напутствовали:

— Обнимай лестницу согнутыми у локтя руками, в лазу опирайся тоже локтями и на каждом полке отдыхай сидя.

Плохо помнил, как с помощью ребят, обливаясь потом, я преодолел последние марши лестниц. Как во сне дошел до лагеря. Потом они мне рассказывали, что, поднимаясь, догнали меня на двадцатой лестнице, лежащим на полке, на какое-то время потерявшим сознание.

Так шел год за годом без особых событий, если не считать прихода очередных этапов или этапа из лагеря, этапы доходят в Спаек под Караганду. Этот лагерь у нас звали «всесоюзной инвалидкой». Лагерь, из которого этапов и поездов для тех, кто попал туда, не было...

49—50—51 годы. За это время дважды, почти полностью, сменились люди. Память сохранила всего несколько имен, с которыми я тоже выжил каким-то чудом. Иван Цилярчук, Владимир Хоменко, Вл. Григолавичус, бригадир Лешка Лавриков и два-три человека, фамилии которых время стерло в памяти. Остальные по конвейеру — лазарет, кладбище или этап под Карагандой.

Перемены наступили в июне 1954 года. После восстания в Кенгире была объявлена забастовка в нашем лагере.³ В течение 10 дней, что мы не выходили на работу, были затоплены шахты, вышло из строя оборудование. Администрация и надзиратели покинули лагерь. После подавления Кенгирского восстания к нам в лагерь из Кенгира были заброшены два человека, которые рассказали, что против танков нам не устоять. Каким-то образом нам удалось избежать междоусобицы москалей и украинцев. Всех русских с 10-тилетним сроком считали москалями и красными, которых нужно «вздернуть», и это назревало, если бы... Если бы 21 июня лагерь не был окружен танками. Распахнулись ворота, в лагерь вошла свита во главе с генералом. На линейке были построены шахтерские бригады и было заявлено: или мы выходим на работу, а прибывшие из прокуратуры из Москвы начнут пересматривать дела, или танки сделают то, что сделали в Кенгире. Лагерь зашевелился, но выйти строиться

по бригадам боялись. Кто первый? Откуда-то появился нарядчик. Наша бригада выходила из зоны первой, и сейчас стоило нам выйти к воротам, как без команды стали строиться другие бригады. Если бы даже не пришли танки, нам так и так пришлось бы капитулировать. Сорокоградусная жара. Вода в бассейне на хоздворе закончилась на пятый день, кончалась и мука, из которой делали на обед мучную болтушку. Осталась соленая рыба, ящики с которой поставили ночью у самой запертки. Так она и стояла до конца забастовки. Думали, что мы набросимся на эту рыбу, и у запертки можно будет с вышки застрелить каждого, кто приблизится. Через три дня шахты начали «давать план». В кабинете начальника вел прием один из заместителей генпрокурора Руденко. Писали жалобы, рассказывали, как будто он не знал, как на следствии выколачивали «признания». Солдаты бывшие рассказывали, при каких обстоятельствах попали в плен... Мне на мою жалобу ответил, что, если все написанное подтвердится при пересмотре дела, то он гарантирует мне полную реабилитацию, а пока меня освободят условно. Заканчивался восьмой год заключения. «Освободили» без права выхода за территорию поселка-рудника. Если я покину поселок хотя бы на час, то получу 25 лет срока. За что и расписался у коменданта, к которому каждые две недели ходил «отмечаться». Так со времени подачи жалобы прошло девять месяцев, когда комендант вызвал меня в комендатуру и зачитал постановление Президиума Верховного Суда РСФСР от 02.04.55 г. о реабилитации. Там же мне были выданы все новые документы, как будто бы я работал в шахтостроительном управлении 8 с лишним лет и уволен по собственному желанию. Там же у коменданта на заготовленном бланке расписался о неразглашении пребывания в лагере. Справку о реабилитации на руки не выдал, сославшись на то, что он отправит ее в суд, который меня судил, т. е. в Томск. Потом после долгих хлопот, начиная с 1946 года, я получил эту справку из Прокуратуры Союза ССР в конце 1991 года, т. е. через 45 лет после освобождения. Так закончился этот печальный отрезок в моей жизни и шестой по счету этап. Шесть лет в армии (из них почти 4 года фронта), восемь с половиною лет лагерей (из них 5 лет каторги). Почти 15 лет в возрасте с 19 до 34 были вычеркнуты из жизни не у одного меня. На каторге я встретил сотни бывших солдат, которым Родина заплатила за их ратный труд годами лишений, каторжным трудом в рудниках. Да, без преувеличения можно сказать, я слышал от других, когда мы живые завидовали тем, кто остался там, на поле брани. Они не приняли столько мук, унижений, голода, прежде чем легли в могилу. Кто сосчитал, сколько нас закопали там, в степи, в траншее. Для каждого копать могилу в каменистом грунте накладно. Взрывчаткой и бульдозером была выкопана траншея, куда сваливали умерших и разравнивали грунт. В 1992 году я разговаривал по телефону с начальником информационного центра по поводу справки о пребывании в лагере и поинтересовался, что осталось от лагерей. Ничего. На месте рудника стоит областной центр Джезказганской области, а молодежь даже не знает, на чьих костях стоит этот город. Те каторжные шахты,

на которых мы работали, засыпаны грунтом из породных отвалов. Современные шахты — в 2—3 километрах от города. Все, что осталось от нас там, в Джекказгане — это информационный центр при УВД, который выдаст вам справку о том, когда ты прибыл, когда убыл с точностью до одного дня. И то только после предварительной оплаты за этот труд.

¹ Цитата из третьего тома «Архипелага ГУЛАГ» А. И. Солженицына.

² Цитата из энциклопедической статьи о И. М. Майском (БСЭ. М.: Советская энциклопедия, 1974. 3-е изд. Т. 15. С. 224).

³ Подробнее об этих забастовках рассказано в воспоминаниях А. Е. Кропочкина, опубл. в сб. «Поживши в ГУЛАГе» (гл. 6 «Восстание в Кенгире. Забастовка в Джекказгане». С. 396—400).